Ефремова (Сафонтьевская) Тамара Николаевна

Каково это – замерзать в темноте и ждать маму

Когда началась война, мне было пять лет. Я гостила у бабушки в деревне под Мгой. Мое начало войны? Рано-рано утром моя тетя выхватывает меня из постели, закутывает в одеяло и мы всей семьей бежим в лес, т.к. самолеты фашистов бомбят станцию, а заодно и стреляют по бегущим. Самолеты летят так низко, что видны фигуры летчиков.

Моя мама успела увезти меня в Ленинград чуть ли не на последнем поезде. А бабушкину деревню быстро заняли немцы.

Папа перед войной работал экскаваторщиком за городом (если не путаю, в Колпино). И погнал свой экскаватор в город, под бомбежками и обстрелам – не оставлять же немцам. Успел. В войну он был «забронирован», т.е. оставлен в городе – экскаваторщикам работы хватало. В те жуткие зимы и работа была жуткая: братские могилы на Пискаревском кладбище – одна из таких работ, которая отозвалась после войны - он умер в семьдесят лет после долгих мучительных лет болезни.

Перед войной мы жили на Благодатном проспекте в Московском районе. Когда немцы начали обстреливать город из Пулково, нас переселили в центр, на Петроградскую сторону. Позже мы узнали, что в нашу прежнюю комнату на пятом этаже попал снаряд.

Началась наша Блокада. Смутно она помнится. Основной кошмар – поход за водой на Неву. Мама не хотела оставлять меня одну в доме и везде брала с собой. Погибнем, так вместе, говорила. Про то, как ленинградцы брали воду из Невы, написано и показано в кино немало. Мое воспоминание такое. В темноте кромешной спускаемся по лестнице с санками и бидонами. Дошли до Невы, набрали воды, дошли до дома, вошли в парадное. И тут мама спотыкается обо что-то, падает и разливает воду. Оказалось, за время, пока ходили, в парадном появился покойник, зашитый в одеяло – видно, у кого-то не хватило сил вытащить его наружу. Села мама на ступеньку и заплакала, а я за ней. Снова надо идти по воду…

Чтобы выжить, мама начала работать дворником (рабочая карточка). Часов в 5 утра будит меня: «Дочка, надо снег убирать, а то участковый будет ругать!» Господа нынешние дворники! Даже в войну дворы убирали от снега! Три женщины впрягались в лист фанеры, нагруженный снегом, – две по углам, одна в середине – и волокли его к стоку в асфальте. Потом снег растапливали паяльной лампой над люком. Я это помню хорошо, т.к. на пустом листе потом везли меня.

Я могла подолгу сидеть молча у буржуйки, глядя на огонь в дырочках дверцы. Раз мама спросила, о чем я думаю. Я говорю: «Вот кончится война, я никогда не буду выковыривать жир из колбасы!» (прекрасно потом выковыривала). И мама сделала мне «пирожное»: в алюминиевую кружку покрошила немножко хлеба, налила воды, поставила на буржуйку. Когда хлеб превратился в слегка запекшуюся массу, я его съела. Знали бы вы, как это было вкусно!.. После войны сделала так же и сильно была разочарована.

Папа приходил к нам пешком от своей работы, приносил что-то из еды. Но однажды еле дошел обратно, там его положили в стационар, выходили и до прорыва он там и остался, работал.

Я думаю, выжили мы, благодаря жившей с нами папиной сестре (царствие ей небесное!) Она мыла котлы в госпитальной кухне. После работы приносила картофельные очистки, пригоревшую кашу, кусочки котлет и т.п. Меня это точно спасло, поскольку отдавалось мне.

Еще долго после войны я боялась пожара – напротив нашего дома очень горел дом, несколько дней. Вот чего не боялась, так это покойников – сколько их было просто на улице!

В квартире нашей жило несколько семей. Собирались в одной комнате и гадали на блюдечке, ходящем по кругу с буквами и цифрами. Я уверена: оно ходило! Складывались фразы. Всегда спрашивали, кто победит, и получалось – Сталин. Один раз вышло – красный петух.

В семь лет я пошла в школу на ул. Бармалеева. Училась с удовольствием и хорошо. А еще у нас с девочкой из 7-го класса составился акробатический дуэт (так это называлось), и мы выступали перед ранеными в госпитале.

Написала все это я не ради славы, печатных строк в книге. Меня трясет озноб, когда я читаю о наших фашистах - у нас, в Петербурге! Ну, немцы, фашисты – хоть как-то понятно: мы, русские, для них - низшая раса и враги. Но эти-то русские пацаны, рисующие свастики, считающие, что Гитлер наводил порядок! Хоть бы на минуту представили, каково это - замерзать в темной комнате, ждать маму с кусочком хлеба. А она могла и не прийти – сил не хватило, обстрел, бомбежка, карточки украли… Что за матери вырастили и воспитали этих «деток»?